

Т. Н. КОВАЛЕВА

«САША» ИЛИ «СЕЯТЕЛЬ И ПОЧВА»

Вся поэзия Некрасова пронизана приобретающим самые разные облики женским началом.

Муза поэта — мать, женщина, страдалница, подверженная всем перипетиям земной женской судьбы; *земля* — рождающая и поглощающая, матушка-земля: «*родина-мать*», «*мать-отчизна*», «*матушка-Русь*»; *жена* или *мать революционера* («*Мать*», «*Русские женщины*», «*Нерыдай так безумно над ним...*» и др.); *революционерка*; *крестьянка*; *мать* самого поэта.

Важный содержательный смысл несут своеобразные, тягучие, женские рифмы некрасовских стихов.

Насыщенность поэзии Некрасова женским началом — это явление не только нравственное и эстетическое, но, прежде всего, мировоззренческое. Оно идет от народного, близкого к природе взгляда поэта на мир, глубинного ощущения вечных ритмов и функций природы, так органически входящих в плоть и кровь русского крестьянина-земледельца. Всей натуре народного поэта были близки эти вечные повторения — весны — возрождения; лета — расцвета сил; осени — разрешения от бремени, рождения; зимы — смерти. Эту поэтическую систему, как и самую душу его, сформировали природные стихии, и уже через них осознавался поэтом мир во всех его проявлениях: нравственных, социальных, эстетических. Возьмем на себя смелость априорно утверждать, что все положительное в поэзии Некрасова связано с природным, а все отрицательное — с противоестественным. Что революционная борьба санкционирована своей народностью и тем самым природностью («сеятель» — он же и крестьянин); что город у него мрачен прежде всего потому, что антиприроден; что женское начало всегда у него положительно, потому что исполнено природности (за исключением весьма немногочисленных сатирических зарисовок);

что нравственное здоровье тоже всегда связано с природой. Эти тезисы можно подтвердить на любом стихотворении Некрасова.

Обратимся к поэме «Саша».

Поэма эта вся, с первых строк, пронизана мотивом родства и единства. «Мать» и «сыновняя могила», песня берет «за сердце», «родная картина», «Родина-мать» и «любящий сын». Единение с родной землей успокаивает и исцеляет. Исчезают злоба и ненависть, воцаряется радость и добро: «Злобою сердце питаться устало...», «Весело въехал я в дом тот угрюмый, что... некогда стих мне суровый внушил...». Разум уступает место чувству, т. е. опять же началу более непосредственному, интимному, земному, народному: «Злобою сердце питаться устало — Много в ней правды, да радости мало...» (курсив здесь и далее мой. — Т. К.). И через рефлекссию, вражду, одиночество, «гордую волю» лирический герой прорывается к этому родному, природному, народному — к Родине, матери, земле. Правда, это только порыв, т. е. мгновенное единение. Но и он целителен: красота и рождающая сила плоти-земли («пышна и красива») открываются ему и его питают:

Только что ей я объятья раскрыл —
Хлынули слезы, прибавилось сил...

Такова прелюдия к появлению главной героини поэмы.

В критике, как известно, неоднократно отмечалась связь «Саши» с «Рудинным» Тургенева. Нам эта параллель представляется несколько поверхностной: только Агарина можно сблизить с героями Тургенева, но не он определяет весь дух произведения и его поэтику. Куда ближе и поэма в целом, и ее героиня к «Евгению Онегину». Та же «природность» героини (еще более акцентированная, еще более «земная»), та же «иностранность» и некоторая «вторичность», «пародийность» героя, то же решение столкновения в пользу героини — как более русской, более природной, гармоничной и цельной; тот же процесс постепенного умственного «пробуждения» героини. Разумеется, речь у нас идет не о влиянии и вторичности, а о единстве путей, которыми шли в своих поисках русские писатели.

Саша — существо природное, причем это природность не только эстетическая, духовная, но и чисто ма-

териальная, телесная, земная. Некрасов подчеркивает в ней физическую красоту, зрелость, живость, силу, душевное равновесие и покой — все то, что свойственно природе.

Кроме того, не случайно разрешение антитезы «дух и плоть», «интеллект и почва» возлагается на женщину с ее исходной близостью к матери-земле, к природе, к рождению.

Первое предвестие пробуждения Саши тоже связано с природой — рубка леса. Это первое нарушение первобытной, нетронутой гармонии и в природе, и в Саше; оно идет параллельно. Это подготовка почвы к севу. Не случайно, хотя, казалось бы, нелогично, картина вырубленного леса вызывает у Саши не только печаль и слезы, но и радостную тревогу и ожидание чего-то необыкновенного, неведомого: «Саше не спится, но весело ей...» и т. д.

Сама картина рубки леса неоднозначна. Ее нельзя понимать ни как апофеоз человеческого труда, ни как осуждение насилия над природой. Это почти эпическая (и, таким образом, народная) картина единоборства двух равных и близких сил: природного человека и очеловеченной природы. Исход битвы предreshен, но это гибель для еще более пышного возрождения («рождающая смерть», по терминологии М. М. Бахтина).

Кроме того, образ битвы у Некрасова неоднократно связывался с характерным для славянской мифологии образом жатвы («Им не забыть своих детей, погибших на кровавой ниве...» — «Внимая ужасам войны»; «Это колосья ржаные, спелым зерном налитые, вышли со мной поевать» — «Мороз, Красный нос»).

И вот готовность к пробуждению, тревожное и радостное ожидание разрешается. И опять физическое и духовное, земное и интеллектуальное идут параллельно. Интеллигент-книжник, пробуждающий ум и духовные силы Саши, — это сеятель в самом исконном, земном смысле слова. «Сеятель» приходит тогда, когда Саша созревает не только духовно, но и физически: «Брови так тонки, а плечи так круглы», — говорит лирический герой. «Годы ей, что ли, такие пришли?» — размышляют родители.

Удвоенность смысла понятия «сеятеля» объясняет и сам лирический герой своей параллелью с оврагом, «заемной волной» и «пышной жатвой». Это прямо ассоциируется с «пышностью» Саши перед вторым приездом

«соседа»: «В два-то последние года на диво Сашенька стала пышна и красива». Знаменательно то, что здесь о Саше говорится точно теми же самыми словами, что и о «ниве» в 1 главе поэмы: «...убогая нива вдруг просветле-ла, *пышна и красива*». О той же связи земного, телесно-материального и духовного говорит то, что интеллигент-сеятель — это «женнх», ожидаемый ранее в преддверии зрелости («Спелому колосу — серп удалой»), а затем и реальный («Мы уговаривать: чем не жених?»).

«Пышность», сила, красота и зрелость Саша — воплощение органического единства интеллектуально-духовного и почвенно-телесного — противопоставляются немощности, «бледности» «сеятеля»-интеллигента. Однако надо иметь в виду, что при всей индивидуальности его облика это качество едва ли не всех героев-интеллигентов Некрасова, т. е. носителей разумного и чисто духовного начала.

Это немощность тела при могуществе духа. В Агарине она носит несколько иронически акцентированный характер, обусловленный и литературной изжитостью типа, и тем, что подлинная-то героиня времени — налицо. Но образ этот все-таки не лиричен, и, нам думается, его стоит принимать — и всерьез.

Его немощность — не только чуждость родной земле, «беспочвенность» (хотя это для нас очень важно). Она приобщает его к когорте тех людей, о которых Некрасов мыслил религиозными категориями не только потому, что в образе Христа-спасителя «народные заступники» были ближе и понятнее народу, но и потому (может быть, в первую очередь), что они близки идеалу христианскому — интеллектуальному, духовному, антителесному.

Между лирическим героем и Сашей расхождение не столь велико: он чувствует природу и мыслит народными понятиями. Но обратный процесс, от рассудка к почве, невозможен. Единство с природой, которого лишен Агарин («Тонок и бледен», «Начал... над природой подтрунивать нашей», «ему и любовь голову больше волнует — не кровь») и которое воплощает в себе Саша, возможно для него только в форме порывов, озарений.

Таким образом, в той мере, в какой задача показать духовность и пробуждение народа, «почвы», «плоти» воплотилась в поэме, она решена Некрасовым. Но об окончательном решении говорить здесь нельзя. Саша, по существу, не дана в деятельности, она даже еще и не на

пороге и не в преддверии ее. Нельзя же вполне всерьез воспринимать ее помощь крестьянам: «Бедные все ей приятели-друзи, кормит, ласкает и лечит недуги». Да и о знаниях Саши мы узнаем лишь из уст ее невежественных родителей. В поэме, очень цельно и убедительно, воплотилась *вера* Некрасова в возможность и близость единства народа и интеллигенции, «почвы» и «сеятеля» — на основе народа.

Разговор о сеятеле следует продолжить, потому что, как мы уже показали, это был и сознательно-важный, и органический для Некрасова образ. Он проходит через всю его поэзию и везде несет на себе все ту же нагрузку: соединить в себе и собой земное, народное, вечное, неподвижное — и интеллигентское, чисто духовное, временное, деятельное.

Уже в написанном до «Саши» стихотворении: «Несжатая полоса» за первым смысловым пластом — печальном повествовании о горькой судьбе «пахаря» — открывается второй — размышление о судьбах мыслителя и народа, «сеятеля знания на ниву народную», и самой этой почвы. Какой из этих двух смыслов важнее — трудно, да, впрочем, и невозможно решить, потому что оба они сливаются в нечто единое, цельное — в образ сеятеля, в котором сплетается и чисто земное, и очищено духовное. И размышление поэта здесь идет не на уровне социальном («крепостной гнет»), а на более высоком, общечеловеческом, бытийном, в который — как частица его — включается и социальный пласт.

На сложность и глубину стихотворения «Несжатая полоса» указал сам Некрасов, включив реминисценцию из него в стихотворение «Сон»:

И музе возвращу я голос,
И вновь блаженные часы.
Ты обрешь, собирая колос
С своей несжатой полосы. (II, 432)

Образ сеятеля цельным и полнокровным явился в «Саше». Он промелькнул в стихотворении «Что ни год — уменьшаются силы...»:

Но желал бы я знать, умирая,
Что стоишь ты на верном пути,
Что твой пахарь, поля засевая,
Видит ведряный день впереди... (II, 107)

Тень его ощущается и в стихотворении «Памяти Дроблюбова». Этот человек, подчинивший страсти (т. е.

стихию, природу) рассудку, оказывается у Некрасова кровью, плотью и духом, связанным с землей, с почвой:

*Природа-мать! Когда б таких людей
Ты иногда не посылала миру,
Заглохла б нива жизни...*

Ведь это прямая переключка со «Школьником», где о связи земли (природы), народа и будущего мыслителя говорит он прямо:

Не бездарна та *природа*....
Что выводит из народа
Столько славных то-и-знай... (II, 167)

И почти везде, где бы ни шла речь о революционно-демократической интеллигенции или людях, близких к ним, звучит и тема «сеятеля».

О Грановском:

И добрых знаний много *сеял* ты.... (II, 280)
(«Сцены из лирической комедии
«Медвежья охота»).

О Белинском:

И с дерева неведомого плод
Беспечные, беспечно мы вкушаем:
Нам дела нет, кто *возрастил* его... (I, 89)
(«Памяти приятеля»)
Честный *сеятель* добра...
(«В. Г. Белинский»)

О безымянных народниках 70-х годов:

Такая *почва* добрая —
Душа народа русского...
О *сеятель!* Приди!.. (III, 362)
(«Кому на Руси жить хорошо»)

Двойственность образа сеятеля, соединяющего в себе начала почвенно-природное и чисто духовное, подтверждается и тем, что, как отмечалось уже выше, образ революционера-демократа имеет у Некрасова и еще один облик: он носит на себе ярко выраженные черты христианских подвижников и самого Христа. Некрасов и сознательно, и в силу своего миропонимания вписывал свою современность в контекст общебытийный.

Атеизм Некрасова не подлежит сомнению, но мотивы религиозные в творчестве поэта со временем усиливались. В 40—50-е гг. в лирику Некрасова входит в основном один евангельский образ, «тернового венца», который может быть истолкован и просто как традиционный атрибут страдания («Праздник жизни...», «Безвестен я...»,

«Поэт и гражданин»). В стихах этого периода есть и одна черта, которая роднит некрасовских революционеров с христианскими подвижниками: «бесплотность», немощность тела при могуществе духа («Памяти приятеля», «Белинский» и др.). Но и эта связь здесь не носит обязательного характера, а может быть истолкована и как чисто реальная. И только потом, задним числом, включаясь в контекст поздних стихов с их акцентированными образами сеятеля, страдальца, «учителя», «чаши», «факела», распятия и самопожертвования для ближнего — они осмысляются таким образом. И только Крот, герой «Несчастных», здесь достаточно близок к образу христианского мученика: «Как спицы ноги, детский голос, и словно лен пушистый волос...»; «Вдруг кто-то крикнул: «Нет в вас бога!..», «Он нам ту бездну обнаружил, куда стремглав летели мы!». Но это может быть обусловлено тем, что в поэме он находится среди народа и в этом образе народу мог быть более близок и понятен. Постепенно черты подвижника в Кроте вытесняются чертами трибуна и героя: «И мертвый сходен он лицом с убитым молнией орлом!».

Со второй же половины 60-х годов евангельские мотивы в творчестве Некрасова появляются чаще: поцелуй Иуды в «Ликует враг», крестный путь в «Сценах из лирической комедии «Медвежья охота», аскетизм, отказ от «мирских наслаждений» в «Памяти Добролюбова», чаша, которую Христос просил Отца пронести мимо него, в «Ты как поденщик выходил...» и «Мы вышли вместе...» (там же «факел», с которым в евангелии надлежало ждать прихода или зова божьего), отваленный от могилы (пещеры) надгробный камень во «Вступлении к песням 1876—77 годов», «Пути Христовы» в «Отрывке»; альтруизм в «Не рыдай так безумно над ним» («Кто ближнего любит Больше собственной славы своей»), наконец, открытое сближение революционера с Христом в «Н. Г. Чернышевском»¹.

¹ К уже имеющимся толкованиям разночтений стихотворения «Н. Г. Чернышевский» («Пророк») прибавим еще одно, показавшееся нам интересным и уместным. Может быть, «Рабам земли» и не следует считать уступкой цензуре, да и вообще спор о «рабам» и «царям» не имеет смысла, если перенести акцент на слово «земля». Не значит ли эта строка следующее: напомнить о высшем духовном призвании человека, о служении *духу* («о Христе») тем, кто находится в рабстве у *земного*, у земных забот — независимо от того, «цари» они или «рабы»?

Нам думается, что понимать это явление надо следующим образом. Соотношение между народом и интеллигенцией в ранней лирике Некрасова, где приоритет был все же за интеллигенцией, постепенно менялось, становилось сложнее. Основные надежды возлагались уже не столько на привнесение в народ знания, сколько на поиски внутри самого народа близкого интеллигентам духовного начала («Русь — как убитая, а загорелась в ней искра сокрытая», — «Кому на Руси...»). Одним из существенных элементов этого начала было христианство, которое в трансформированном виде и стало одним из важных звеньев, соединявших для Некрасова интеллигенцию и народ. И тогда в образе сеятеля-интеллигента из «Сашин» открывается один очень существенный план. Сеятель Некрасова — это и крестьянин-сеятель, кровно, материально, плотью и духом связанный с землей; это и «сеятель» евангельской притчи, в котором духовная и материальная связь с землей еще не расчленились окончательно. Этот второй аспект особенно открыт в стихотворении «Сеятель» (тут «сеятель», нива, «почва бесплодная», «семена», «всходы»). Попутно отметим, что у Некрасова в этом плане тема решается более ортодоксально, чем у Пушкина в стихотворении «Свободы сеятель пустынный...».

Таким образом, тип интеллигента у Некрасова обретает удвоенную, более сложную, но и более прочную связь с чисто духовным и чисто земным, материальным началом, и в результате — глубокую и органическую связь с народом, природой, миром в целом.